

въ сущности политически поставленъ въ Россіи не былъ. Русская власть и русское общество не могли не знать, конечно, о наличности въ средѣ обитателей балканскихъ владѣній Турціи племени болгаръ. Ихъ имя мелькаетъ въ русскихъ правительственныхъ актахъ начала XIX вѣка, — о чемъ сказано было выше; — съ болгарами сталкивались какъ отдѣльные русскіе, побывавшіе въ эту пору на Балканахъ (напр. неизвѣстный русскій путешественникъ, жившій въ 1800-1 г.г. въ гор. Вратца), такъ и русскіе въ массѣ, участвовавшіе въ походѣ въ Болгарію въ первые годы девятнадцатаго столѣтія; имя болгаръ называется въ рядѣ записокъ и записей по славянскому вопросу этой же поры. И однако, и русское общество, и русская правительственная власть имѣли дѣло не столько съ собственно болгарскимъ вопросомъ, сколько съ вопросомъ о южныхъ славянахъ, частіе — о сербахъ.

Указанное обстоятельство опредѣлялось, видимо, самымъ фактическимъ ходомъ русско-славянскихъ отношеній и степенью организованности отдѣльныхъ южно-славянскихъ народовъ. Россія вступила въ войну съ Турціей въ концѣ 1806 года, когда въ разгаръ было сербское возстаніе противъ турокъ, возглавляемое Чернымъ Гесргіемъ и начатое уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Въ Болгаріи не было на лицо національной сплоченности, — и хотя русская армія, дѣйствовавшая во время этой русско-турецкой войны въ Болгаріи, соприкасалась съ отдѣльными болгарскими сплоченными группами, но это не носило сколько-нибудь широкаго характера. Русскіе пользовались въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ помощью со стороны сильныхъ гайдуцкихъ четъ и добровольческихъ дружинъ, но все это носило мѣстное и временное значеніе. Главнокомандующій русской арміей ген. А. Прозоровскій предполагалъ вооружить болгаръ въ болѣе широкомъ масштабѣ и выполнить при ихъ участіи извѣстныя части своего плана, — но эта мысль осталась въ области предположеній.

Существенно иначе было въ средѣ другого южно-славянскаго народа, который вошелъ въ связь съ русскимъ правительствомъ и имп. Александромъ I-мъ, какъ организованная національная единица. Понятно, что для русской власти и русской общественности здѣсь видѣлись болѣе близкія и конкретныя возможности политическаго дѣйствія и укрѣпленія политической независимости и самобытнаго развитія. Въ общей массѣ того литературнаго матеріала, который сосредоточился у русской власти по южно-славянскому вопросу, поэтому мы и видимъ по преимуществу разрабатываемыя темы касательно Сербіи. Однако, сербскій вопросъ въ данной постановкѣ былъ шире собственно серб-